

О. Ю. Астахов
<https://orcid.org/0000-0002-2764-7686>

Синтез границ творчества в символизме А. Белого

В статье рассматриваются вопросы понимания синтетических обобщений границ творчества в символизме А. Белого. На примере повести «Котик Летаев» выявляются особенности формирования представлений автора о символическом сознании, в котором осуществляется открытие предметного мира через внутренний опыт душевной жизни человека, в результате чего реализуется способность к символизации. Представляя ситуацию детской игры, А. Белый демонстрирует динамику раскрытия символа, имманентную развитию человеческого сознания. В этом акте символизации реализуется познание и творческое открытие мира в его мифологическом представлении, что становится для автора основой развития ребенка, в индивидуальном опыте которого реализуется приобщение к универсальным значениям и смыслам.

В статье «Эмблематика смысла» в качестве условия познания мира автор рассматривает необходимость определения его ценности. Соединяя понятия «символ» и «ценность», А. Белый открывает новые возможности познавательных устремлений, реализующихся в творческой деятельности. В этом случае класс символических понятий порождает встречу художника и философа, и теория знания соединяется с теорией творчества. Но одновременно А. Белый пытается преодолеть прямолинейность выводов; как и в теории познания, в творчестве систематика форм может подчинить искусство гносеологическим принципам, и эти принципы также могут быть предопределены метафизикой. Подобного рода противоречие – результат монистического решения проблем, поэтому всякое суждение должно быть ориентировано на его символическую эмблематику, способствующую преодолению границ его смысла. В итоге автор приходит к выводу о том, что творческая активность включает не только познание, но и само бытие, что оказывается созвучным идеям «философии жизни». Бытийное толкование творческой деятельности способствует пониманию возможности преодоления границ одномерно-плоскостного мировосприятия через обращение к символу, открытие которого во всей полноте реализуется через синтез границ творчества.

Ключевые слова: русский символизм, творческая деятельность, познавательная деятельность, границы мировосприятия, знание, истина, ценность, синтез идей, символ, символическое сознание.

O. Yu. Astakhov

Scope Synthesis for Creativity in Symbolism of Andrei Belyi

The article studies the issues of realizing scope synthesis for creativity in symbolism of A. Belyi. On the example of the story «Kotik Letaiev», A. Belyi reveals his ideas on symbolical consciousness in which the objective world opening through internal experience of sincere human life therefore the ability to symbolization is implemented. Representing a situation of children's game, A. Belyi shows the dynamics for disclosing a symbol, immanent to development of human consciousness. Thus in this act of symbolization, cognition and creative opening of the world are implemented. In these mythological ideas that become for the author a basis for developing a child, and in his individual experience familiarizing with the universal values and meanings is implemented. In the article «Sense Emblematic» as a condition for realizing the world the author considers necessity to define its value. Connecting the concepts «symbol» and «value», A. Belyi opens new opportunities for cognitive aspirations which are implemented in the creative activity. In this case the class of symbolical concepts generates a meeting of an artist and philosopher, and the theory of knowledge connects to the theory of creativity. But at the same time A. Belyi tries to overcome straightforwardness of conclusions; as well as in the theory of knowledge, in creativity the systematization of forms can subordinate art to the epistemological principles, and these principles can be also predetermined by metaphysics. Contradiction of this sort is a result of the monistic solution of problems therefore any judgment has to be focused on its symbolical emblematic promoting overcoming limits of its sense. As a result the author comes to a conclusion that activity includes not only cognition, but also life is among its attributive properties that appears to the conformable ideas of «the philosophy of life». Moreover life interpretation of creative activity promotes understanding a possibility for overcoming limits of one-dimensional and plane attitude through the appeal to the Symbol, its discovering in all completeness is implemented through scope synthesis for creativity.

Keywords: Russian symbolism, creative activity, cognitive activity, scope world realization, knowledge, truth, value, idea synthesis, symbol, symbolical consciousness.

Рассмотрение границ творчества в символизме А. Белого традиционно сопровождается неоднозначной оценкой его произведений, что во многом определяется подвижностью и метафо-

ричностью авторских суждений. В этой динамике идей отчетливо проявляется ориентированность художника на соединение личного опыта и общего бытия, открывающее жизненный смысл

явлений. «Под эти знаком, – отмечает А. Л. Казин, – концепции русского символизма ставятся выше, скажем, концепций Э. Кассирера и С. Лангера, ограничивавшихся в своих исследованиях языковыми, семантическими, то есть условными моделями мира и не прорывавшихся через них к подлинной сущности вещей» [6, с. 8]. И более того, по замечанию В. В. Бычкова, символизм А. Белого представляет собой многомерный феноменальный мир духовно-материального бытия человека в модусе его пограничной ситуации между сущностью и явлениями; жизнью и смертью; будущим и прошлым [3].

Действительно, А. Белый по-особому трактовал символизм, первоначально сравнивая его с неосознанным символизмом детского восприятия. Неслучайно идейную биографию «Почему я стал символистом...» автор начинает с парадоксального утверждения: «На вопросы о том, как я стал символистом и когда стал, по совести отвечаю: никак не стал, никогда не становился, но всегда был символистом (до встречи со словами “символ”, “символист”); в играх четырехлетнего ребенка позднее осознанный символизм восприятия был внутренней данностью детского сознания...» [2, с. 418]. Представляя ситуацию детской игры, А. Белый демонстрирует динамическую модель символа, имманентную развитию человеческого сознания.

Рассуждая о соотношении стадий развития отдельного человека и всего человеческого рода, в повести «Котик Летаев», которая должна была стать первой частью эпопеи «Моя жизнь», автор пытается воссоздать ритмы внутренней жизни глазами ребенка. Для передачи опыта до-телесной памяти А. Белый обращается к наррации ребенка, что позволяет обозначить мир, в котором сочетается «творчество смысла с познанием данной внесмыслицы в бытии» [9, с. 83]. Актуализация доопытного знания возникает в результате того, что мир представляется как серия бесконечных повторений; нет таких новых образов, которые уже не повторяли бы существовавшую ранее серию образов. «Данное поступательное восприятие мира делегируется в романе Котику-ребенку, – отмечает А. Х. Вафина. – В повествовании ребенка новые образы соединяются с уже известными образами (сигналами). Это соединение продолжается до тех пор, пока не устанавливается та форма мышления, которую можно определить через систему взаиморезонантных сигналов» [4, с. 55]. Эта цепь ассоциаций приводит к пониманию мифо-

логической сущности мира, что становится для автора способом иллюстрации принципов развития ребенка, в индивидуальном опыте которого реализуется приобщение к универсальным значениям и смыслам.

Пример повести «Котик Летаев» представляет собой демонстрацию особого символического сознания, в котором осуществляется открытие предметного мира через внутренний опыт душевной жизни, в результате чего проявляется способность к символизации. О специфике этой способности к символизации А. Белый пишет: «“Котик Летаев” берет фразу преодоления древнего ужаса, может быть, Лемурии, – в игру: игра – в символизации; это – результат действий спасения где-то свыше надо мной сходящего Логоса; символ, или третья двух миров, пересечение параллелей в крест с точкой духовного мира в центре: точка – вспыхивает; это – мое спасение от разрыва “Я”: “Котик Летаев” рисует ощущение трехлетнего, которому кажется, что его из бреда через печную дыру вынесли в квартиру, где “папа”, и “мама”, и “няня” бегут от “этого” (не логизированного “нечто”); оно потом дегенерирует в “буку”; которым пугают меня; но самый страх буки уже не страх, а моя игра в страх; я в символе вышел из страха» [2, с. 419]. Акт символизации становится подобным рождению действительности, поэтому автор так остро воспринимал любую попытку противопоставления символической и предметной реальности.

В символической реальности осуществляется возможность закрепления множества смыслов, каждый из которых по-своему, но одновременно верно преломляет данность внешнего мира. Из соединения внутреннего и внешнего творится не одна, а множество реальностей, поэтому субъективизм и объективизм легко оборачиваются друг в друга. В связи с этим А. Белый пишет: «Я никогда не был объективен – сознательно, а так сказать, много-объективен; с “17” лет проблема многообразия методов – проблема вынашиваемой теории символизма; но я не был только субъективен (во внутреннем самораскрытии), но – индивидуален» [2, с. 421]. Таким образом, свою точку нахождения автор обозначает «индивидуальностью», которая имеет ясно определенный смысл. «В играх с другими детьми, – пишет он, – в этих играх обнаружилась уже для меня тема непонимания меня другими; я был “символист” (то есть третья нас двух), а многие из детей и почти все взрослые были мне выявлением во втором (внешнем) мире их первого (внутренне-

го); это первое было личностью; второе – личною; между ними лежала прямая линия соединения (из внутреннего во внешнее); я же был в третьем (в вершине треугольника): в точке индивидуальности; линия моего поведения от внутреннего во внешнее всегда была проекцией треугольника, эмблемой; знаком, личиной; позднее я жил внутри многогранника, в ряде линий-личин» [2, с. 421]. Такое представление о себе можно рассматривать как попытку символического характера постижения реальности, связанного с интеграцией существующих границ творчества.

Как следует из вышеизложенного, для А. Белого акт символизации незримо присутствует в творческом открытии мира. И, более того, даже сама природа мыслится философом как способ символического бытия самого человека и его творчества: «Здесь понимаем мы, что не действительна наша зависимость от рока природы, ибо и природа лишь эмблема подлинного, а не само подлинное. Изучение природы есть изучение эмблем подлинности, а не самой подлинности: природа не природа вовсе: природа есть природа моего “я”: она – творчество» [2, с. 335]. Фактически в природном мире для автора открывается ритм собственного творчества. «Его онтология творчества опирается на субъективно идеалистический дискурс, согласно которому начинать надо с самого очевидного, с факта нашего сознания, точнее, творческой способности сознания или просто творчества, – отмечает З. Р. Жукоцкая. – Инструментально оно опирается на некие данности, открываемые в форме знания. Но главное – не сами “островки” этих данностей и представляющих их знаний, главное – то, что находится между ними, их связь, соотношенная с универсальной связью целого, – сознание, как универсальная целостность, источающая творчество в форме познания и форме бытия (по версии М. Бахтина – события)» [5, с. 209]. В этих рассуждениях значимым является указание на синтетизм А. Белого, который выступает в качестве основы понимания связи границ творчества. При этом познание мира также должно находиться в согласовании с творческой деятельностью.

В статье «Эмблематика смысла» А. Белый отмечает, что первоначально познание мира осуществлялось путем ограничения изучаемого объекта; прежде таким объектом была вселенная; потом она рассматривалась с какой-либо определенной точки зрения; точка зрения породила

науку, в которой сформировалось понимание метода [2, с. 26]. Дальнейшая логика эволюции знания определила дифференциацию наук, совокупность выводов которых совершенно не способствует открытию целостного знания. И кроме того, интенсификация развития отдельных наук разрушает принцип системности, так как в центре научного мировоззрения появляются частные выводы, которые вступают в противоречие с другими выводами; в этой ситуации даже понятия, вынесенные за пределы частных наук, теряют свою определенность и оказываются многосмысленными и неясными. В итоге А. Белый делает вывод: «Научного мировоззрения в смысле мировоззрения, выведенного из системы точных наук, не может существовать в наши дни; развитие любой науки ведет к централизации ее в определенном методе; принципы метода образуют частную логику любой науки; язык этой логики таков, что он способен истолковать все явления действительности на языке частной науки; но частных наук много; истолкований действительности столько же, сколько и методов» [2, с. 27]. В этом случае любое обобщение оказывается условным, и, более того, сама жизнь подменяется эмблемой, «соединяя результаты многих методических путей и называя это соединение “научным мировоззрением”, мы получаем глубокомысленный, правдоподобный “винегрет” понятий» [2, с. 28]. Соответственно, догматы научных мировоззрений представляются А. Белому как утопические фантазии, которые не решают вопросы жизненного смысла явлений.

Следуя логике исследований Г. Риккерта, автор обосновывает необходимость обращения в гносеологии к вопросам этики, что в новом свете представляет основные проблемы познания. Если должное познание определяется императивами практического разума, оно неизбежно порождает аксиологическую проблематику. Ссылаясь на суждение Г. Риккерта о том, что «истинное есть ценное», А. Белый определяет понятие «ценность» как абсолютный предел гносеологии, что актуализирует значимость творческой деятельности. Характеризуя логику обращения автора к понятию «ценность», З. Р. Жукоцкая резюмирует: «В этом круговороте данности – знания – сознания – познания – бытия (бытия, порождающего новые данности и их знание) все виды духовной культуры имеют свою специализацию: наука образует низшую ступень, почти как у Шеллинга, и занята простым переводом данности в знания, а также систематизацией зна-

ний, которая, впрочем, еще бесконечно далека от установления их смысловых окончаний. В пункте систематизации знаний наука непосредственно соприкасается с философией, особенно так называемой научной философией, которая представляет собой некоторое *знание о знаниях*, проблему метода. Наконец, кульминацию в поиске и установлении смысловых доминант принимают на себя искусство, этика и религия» [5, с. 209]. Это как раз те области, культивирующие значимость ценностного познания действительности, что выступает пределом гносеологических установок.

Но познавательная ценность не может быть результатом познавательной активности, скорее наоборот, как и ценность познания, не заключается в его объекте. И в связи с этим А. Белый делает очередной вывод: «Если смысл определить ценностью, то падают твердыни теоретической философии; мировоззрение становится творчеством; философские системы приобретают символический смысл; в познавательных терминах символизируют они представление о ценности и смысле жизни; нечего в них искать теоретической значимости; теоретическая значимость остается только за гносеологией; сама же теория знания в своей метафизической форме есть ликвидация твердынь чистого разума; в результате такой ликвидации мировоззрение как теория переходит в творчество» [2, с. 36]. В рассуждениях автора актуализируется идея, связанная с рассмотрением познавательной ценности как творчества, ориентированного на создание идей-образов, опознание которых, в свою очередь, образует объективную действительность. Подобные идеи-образы для А. Белого выступают как символы, поэтому процесс творчества – это процесс символизации.

Соединяя понятия «символ» и «ценность», А. Белый открывает новые возможности для познавательных устремлений [1]. Сам факт обращения к ценности в широком смысле слова становится предметной основой в культурфилософии рубежа веков, что отмечается многими отечественными исследователями Серебряного века [7, с. 207]. Ценность актуализирует творческую деятельность, в которой символ выступает как предельное понятие. «Символ, – отмечает А. Белый, – есть всегда символ чего-нибудь; это “что-нибудь” может быть взято только из областей, не имеющих прямого отношения к познанию (еще менее к знанию); символ в этом смысле есть соединение чего-либо с чем-либо, то есть

соединение целей познания с чем-то находящимся за пределом познания; мы называем это соединение символом, а не синтезом» [2, с. 36]. И эта ориентированность символа на органическое соединение различных смысловых значений ставит в тупик теорию знания. Класс символических понятий порождает встречу художника и философа, и в этом случае теория знания соединяется с теорией творчества, поскольку в творчестве осуществляется сохранение реальности, ценности и смысла жизни. В связи с этим, обращаясь к проблеме соотношения познавательной и творческой деятельности в символизме А. Белого, И. А. Чурсанова констатирует: «Знание есть одновременно и преобразование действительности, происходящее путем творчества идей-образов, то есть символизации. Поэтому лишь в творчестве истинная реальность, ценность и смысл жизни. Художник творит ценности из своего внутреннего опыта, эмблемами которых в искусстве становятся образы сверхчеловека и богов; так искусство перетекает в мифологию и религию. Чем глубже и сильнее личное переживание, тем скорее воспринимается оно как ценность. Из индивидуального оно становится индивидуально-коллективным (переживания художников, поэтов), а оно может впоследствии стать и универсальным» [8, с. 79].

Но одновременно А. Белый предостерегает себя от прямолинейных выводов; как и в теории познания, в творчестве систематика форм может подчинить искусство гносеологическим принципам, и эти принципы также могут быть предопределены метафизикой. «И на этот раз противоречие, по-видимому, безысходно; сущность познания, как и сущность творчества в их смысле; смысл же отсутствует и тут, и там; или же отыскание смысла и ценности жизни подкидываются: со стороны познания – в творчество, со стороны творчества – в познание; познание и творчество вытаскивают друг друга из одной бездны, в которую тем не менее оба они погружены» [2, с. 43]. Подобного рода противоречие – результат монистического решения проблем, поэтому всякое суждение должно быть ориентировано на его символическую эмблематику, способствующую преодолению границ его смысла. «Так освещаем мы в свете ценности пирамиду воздвигнутых познаний и творчествов; в углах оснований пирамиды ложится хаос и управляющее им число; в числе и хаосе разорвано бедное наше бытие; и только символическое единство бытию возвращает и ценность, и смысл; преображается

бытие – возносится бытие», – отмечает А. Белый, решая проблему установления возможного синтеза, открывающегося через обращение к Символу, способному соединить крайние стороны пирамиды познаний и творчеств [2, с. 66]. Более того, автор пытается наглядно сконструировать полярные отношения мироустройства в его символическом единстве. С одной стороны, он выделяет число и обусловленные им соответствующие уровни форм символизации: физика – механика, форма познания – психология, норма познания – гносеология, метафизическое единство – метафизика; с другой – хаос и обусловленные им соответствующие уровни форм символизации: *содержание образов – примитивный символизм, форма символизаций – эстетическое творчество, образ творчества – религиозное творчество, образ логоса – теургия, где пирамида стремится к завершению в синтезе с метафизикой*. Пирамиду деятельностей должен увенчать Символ, в противном случае дуализм неизбежен с усугублением существующих противоречий.

Графически пирамида деятельностей представляется А. Белому в виде чертежа большого треугольника, упорядоченно разделенного на более мелкие, в комбинации которых пересекаются их границы, демонстрирующие близость видов деятельности и их иерархию. «Всякий треугольник, – пишет А. Белый, – изображенный на чертеже и находящийся в вершине, господствует над нижними треугольниками; так эстетическое творчество господствует над примитивным творчеством символов, мифотворчеством и идолотворчеством» [2, с. 47]. И все эти треугольники объединяются внешней границей большого треугольника, выстраиваемого относительно вершины – Символа.

Таким образом, перечисляя и подробно анализируя отношения трехчастных образований форм символизаций видов деятельности, А. Белый делает очередной вывод о том, что «в представлении бытия как нормы суждения, в утверждении, что любое суждение осуществимо не как истинное, но как должное, в совпадении истины с долженствованием и ценностью мы уже покидаем строго почву гносеологического анализа; теория знания сближается здесь с метафизикой единства» [2, с. 67]. В итоге автор актуализирует значимость категории данности, что способствует утверждению онтологических суждений как исходных в понимании гносеологической проблематики: символ есть единое, единое

есть ценность, ценность есть долженствование, долженствование есть истинность [2, с. 71]. Поэтому в число атрибутивных свойств творчества входит не только познание, но и само бытие, что оказывается созвучно идеям «философии жизни». Как онтологический предел границ творчества у А. Белого выступает Символ. Представляя серию его модуляций, автор демонстрирует значимость творческой деятельности, которая необходима в связи с преодолением одномерно-плоскостного мировосприятия. Подобные утверждения указывают на понимание автором жизненной реальности Символа, что необходимо для созерцания идеи во всей ее полноте.

Библиографический список

1. Астахов, О. Ю. Творческая деятельность в гносеологии символизма Андрея Белого (по материалам статьи «Эмблематика смысла. предпосылки к теории символизма») [Текст] / О. Ю. Астахов // Вестник культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 55–61.
2. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
3. Бычков, В. В. Эстетические пророчества символизма [Текст] / В. В. Бычков // Полигнозис. – 1999. – № 1. – С. 83–104.
4. Вафина, А. Х. Языковой опыт ребенка в повести «Котик Летаев» Андрея Белого [Текст] / А. Х. Вафина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (18). – Ч. 1. – С. 55–57.
5. Жукоцкая, З. Р. Свободная теургия: культурфилософия русского символизма [Текст] / З. Р. Жукоцкая. – М.: РГГУ, 2003. – 288 с.
6. Казин, А. Л. Андрей Белый: начало русского модернизма [Текст] / А. Л. Казин // Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2-х т. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1. – С. 6–41.
7. Миронов, Д. А., Трофимова, Е. А. Серебряный век русской культуры: ренессанс, декаданс, предвосхищение? [Текст] / Д. А. Миронов, Е. А. Трофимова // Мысль. – 2014. – Т. 16. – С. 203–207.
8. Чурсанова, И. А. Проблема соотношения искусства и жизни в художественно-философской концепции русского символизма [Текст] / И. А. Чурсанова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». – 2014. – № 2 – С. 77–89.
9. Юрьева, З. О. Творимый космос у А. Белого [Текст] / З. О. Юрьева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 115 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Astahov, O. Ju. Tvorcheskaja dejatel'nost' v gnozeologii simbolizma Andreja Belogo (po materialam stat'i «Jemblematika smysla. predposylki k teorii simbolizma») [Tekst] / O. Ju. Astahov // Vestnik kul'tury i iskusstv. – 2015. – № 1 (41). – S. 55–61.

2. Belyj, A. Simvolizm kak miroponimanie [Tekst] / A. Belyj. – M. : Respublika, 1994. – 528 s.
3. Bychkov, V. V. Jesteticheskie prorochestva simvolizma [Tekst] / V. V. Bychkov // Polignozis. – 1999. – № 1. – S. 83–104.
4. Vafina, A. H. Jazykovoj opyt rebenka v povesti «Kotik Letaev» Andreja Belogo [Tekst] / A. H. Vafina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2012. – № 7 (18). – Ch. 1. – S. 55–57.
5. Zhukockaja, Z. R. Svobodnaja teurgija: kul'turfilosofija russkogo simvolizma [Tekst] / Z. R. Zhukockaja. – M. : RGGU, 2003. – 288 s.
6. Kazin, A. L. Andrej Belyj: nachalo russkogo modernizma [Tekst] / A. L. Kazin // Kritika. Jestetika. Teorija simvolizma : v 2-h t. – M. : Iskusstvo, 1994. – T. 1. – S. 6–41.
7. Mironov, D. A., Trofimova, E. A. Serebrjanyj vek russkoj kul'tury: renessans, dekadans, predvoshishhenie? [Tekst] / D. A. Mironov, E. A. Trofimova // Mysl'. – 2014. – T. 16. – S. 203–207.
8. Chursanova, I. A. Problema sootnoshenija iskusstva i zhizni v hudozhestvenno-filosofskoj koncepcii russkogo simvolizma [Tekst] / I. A. Chursanova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filosofija». – 2014. – № 2 – S. 77–89.
9. Jur'eva, Z. O. Tvorimyj kosmos u A. Belogo [Tekst] / Z. O. Jur'eva. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2000. – 115 s.
- O. Yu. Astakhov // Bulletin of Culture and Arts. – 2015. – № 1 (41). – Page 55–61.
2. Bely A. Symbolism as outlook / A. Bely. – M. : Respublika, 1994. – 528 pages.
3. Bychkov V. V. Aesthetic prophecies of symbolism / V. V. Bychkov // Polignozis. – 1999. – № 1. – Page 83–104.
4. Vafina A. Kh. Language experience of the child in the story «Cat Letaev» by Andrey Bely / A. Kh. Vafin // Philological sciences. Questions of the theory and practice. – 2012. – № 7 (18). – P. 1. – Page 55–57.
5. Zhukotskaya Z. R. Free teurgy: cultural philosophy of the Russian symbolism / Z. R. Zhukotskaya. – M. : RSHU, 2003. – 288 pages.
6. Kazin A. L. Andrey Bely: beginning of the Russian modernism / A. L. Kazin // Critic. Aesthetics. Theory of symbolism: in 2 v. – M. : Iskusstvo, 1994. – V. 1. – Page 6–41.
7. Mironov D. A., Trofimova E. A. Silver Age of the Russian Culture: Renaissance, decadence, anticipation? / D. A. Mironov, E. A. Trofimova // Mysl'. – 2014. – V. 16. – Page 203–207.
8. Chursanova I. A. Problem of a ratio of art and life in the art and philosophical concept of the Russian symbolism / I. A. Chursanova // Bulletin of Voronezh State University. «Philosophy» Series. – 2014. – № 2 – Page 77–89.
9. Yurieva Z. O. The created space in A. Bely / Z. O. Yurieva. – SPb. : Dmitry Bulanin, 2000. – 115 pages.

Reference List

1. Astakhov O. Yu. Creative activity in gnoseology of Andrey Bely's symbolism (on article materials «Emblems of sense. Prerequisites to the theory of symbolism»)/